

Р. П. Попова (Сыктывкар)

**Стилистические функции
диалектной эмоционально-экспрессивной лексики
в произведениях коми-пермяцких писателей**

Художественная литература является своего рода двигателем и законодателем норм литературного языка. Отличаясь образностью и выразительностью, язык художественных произведений оказывает большое и плодотворное влияние на развитие национальной речевой культуры. По утверждению А. И. Ефимова, “являясь формой общественного сознания, художественная литература чутко реагирует и всесторонне воспроизводит многогранные явления общественной жизни” [Ефимов 1957: 34]. В силу этого в художественные произведения привлекаются разнообразные речевые средства, в том числе диалектная лексика.

Язык художественного произведения никогда не бывает нейтральным по отношению к образности этого произведения, он эстетически значим. В литературном произведении диалектные слова могут выполнять самые разнообразные художественные функции: могут служить средством создания портрета действующих лиц, с их помощью можно художественно убедительно и этнографически достоверно воспроизвести быт, социальную среду, обстановку; в конечном итоге, с их помощью индивидуализируется стиль самого автора.

Создавая произведение, писатель старается отобрать из языка наиболее выразительную и действенную лексику, пригодную для осуществления поставленных целей. Одним из пластов такой лексики является эмоционально-экспрессивная лексика, представляющая для литературного языка большую ценность. Эмоционально-экспрессивные элементы в произведении могут не просто обозначать явления объективной реальности, но они способны дать им соответствующую оценку, могут выра-

жать эмоциональное состояние говорящего. При этом оценочная функция их может быть совершенно полярной: от торжественно-возвышенной до пренебрежительно-уничижительной. Известно, что живая разговорная речь богата экспрессивной лексикой. В потоке речи постоянно создаются слова с экспрессивной характеристикой, давая оценку тем или иным реалиям. Экспрессивно окрашенные слова могут быть индивидуальны как в пределах диалекта, так и в пределах говора.

В коми-пермяцкой литературе весомый вклад в активизацию диалектизмов внесли В. В. Климов, представитель южнокоми-пермяцкого региона, Т. П. Фадеев и С. А. Федосеев, представители северного региона. В произведениях этих авторов можно встретить большое количество диалектизмов, в том числе эмоционально-экспрессивную лексику.

Как уже отмечалось выше, эмоциональная лексика отличается чрезвычайным богатством оценочных характеристик, что весьма умело используется авторами для изображения поступков, речевых особенностей, внешних и внутренних черт персонажей, а также для отражения языковой ситуации того или иного региона.

Для достижения высокой степени эмоциональности, выражения нежности, любви, авторы вводят слова возвышенные, слова уменьшительно-ласкательного значения, часто с субъективно-оценочными суффиксами: *Менам син одзын сулалё солдатской паськёма, югыт вира нывка – чатыра юсиньдй* (Климов 1992: 31). ‘Перед моими глазами стоит в солдатской одежде, белолицая девушка – гордый лебедь’; «*Сымда эд вот и колёма*», – *гажсвейдн думайтис ся ас кежас, коть дзар керыштыны велькыта съдд синкыма жельнйгчачыс вылё онёдз эшй и эз лысьт* (Фадеев – Пармалэн шыез 1997: 235). “Столько и надо всего-то”, – радостно подумал он про себя, хотя открыто посмотреть на чернобровый бутон розы ещё не решился’; *Тэ юсь кодь и вёлин, чивылёк-чавылёк* (Климов 1992: 32). ‘Ты и была как лебедь, щебетунья’; *Дзырыт шондй югөррез увтын бытшйёма лёмзьём, лёллыт пу уввесё кокнит да паськыта павтыралис отмодёрё зумыт, чож төв* (Фадеев – Пармалэн шыез: 61). ‘Под яркими лучами солнца уже хорошо подсохло, склонившиеся ветки деревьев легко колыхал сильный и стремительный ветер’.

Достаточно широко и разнообразно представлена в произведениях диалектная лексика с общим значением негативности. В зависимости от стилистической окрашенности, она несёт различную эстетическую функцию:

а) с помощью грубых, бранных слов достигается резко отрицательный эффект: “*Дугды жё, векоша ом! Кывзы, мый баитёны*”, – *видис сойсё Луиза* (Климов – Пармалэн шыез: 171). “Перестань, криворотая!

Послушай, что говорят”, – ругала сетру Луиза’. *Вижлѡкыс, мыся, ачыс аслыс смертьсѡ кошшѡ* (Федосеев 1994: 43). ‘Ненасытный, говорю, сам себе смерти ищет’. *Вѡрѡтчы! – мыдз гѡлѡсѡн ыкѡстис Февраыс. – Дод- дявны верман, а юскыны полан, сьѡд пон* (Федосеев 1994: 6). “Шевелись, – усталым голосом прикрикнула Февра. – Запрягать умеешь, а распрягать боишься, шелудивый пѣс“;

б) иронические слова подчёркивают тот или иной недостаток с оттенком снисходительности: “*Тэнат, тэнат, – нерис иньыс мужиксѡ. – Тэ кодь жѡ, дуллѡсь пороз*” (Федосеев 1994: 7). “Твой, твой, – дразнила мужа жена. – Такой же слюнявый бычок, как и ты“’. *Мый тэ пасма- ыслись юсян? – видзчисьтѡг старухаыс гажмис* (Федосеев 1992: 48). ‘Что ты у дурачка спрашиваешь? – неожиданно повеселела старуха’;

в) слова с шутливым оттенком, частично указывая на отрицательные свойства и качества, несут определённую положительную оценку: *Ме моз, тюня-параня, сѡй – сто год олан* (Климов – Пармалэн шыез: 162). ‘Ешь как я, тюня-параня, сто лет проживѡшь’. *Семьяат инькаыс, батя, мош матка туйѡ* (Климов 1997: 163). ‘В семье жена, что пчелиная матка’.

Для создания экспрессивности писателями используется вся система выразительных средств языка: сравнение, метафора, олицетворение и аллегория, колоративные конструкции с вкраплениями в них диалектизмов.

Наиболее распространѡнным средством, который используют авторы в своих произведениях, является сравнение: *Нывканас лѡнься-лѡнь вѡлі, лишньѡй кыв эз висьтав, а петис жѡник саяс – кузь пиня кодь лоис, нырсѡ и клюкаѡн он судзѡт* (Климов – Пармалэн шыез: 162). ‘В девичестве была очень спокойная, лишнего слова не скажет, а вышла замуж – так зубастой (длиннозубой) стала, до носа клюкой не достать’; *Но талун сторожыс биргылясьтѡн ... локтис ме дынѡ, кутис вѡлыс юр бердись сермѡт, тишыг порсь моз паськѡтис ныр пыссѡсѡ, витшыкыштит русѡ...* (Федосеев 1992: 40). ‘Но сегодня сторож ковыляя... подошѡл ко мне, взял коня за узду, словно голодная свинья раздул ноздри, понюхал воздух’; *Кынымкѡ лун сьѡрна экскаватор, кызд рапмѡм вѡв, хоботнырнас му бердас сунгисьѡмѡн, сулалис заводитлытѡг* (Фадеев 1992: 66). ‘Несколько дней экскаватор, словно заезженная лошадь, наклонившись к земле носом-хоботом стоял незаведѡнный’; *Веськыта лабичын пукалѡ Прошалѡн нылыс, кызд горись кыскѡм рѡма нянь чѡвпан – юрсянь коккезѡдз ѡгралѡ том гажѡн, лѡз синнѡс югытѡсь и лѡкѡсь, кызд видзѡтыштас, сѡдз топ сьѡлѡмам и заргис пыжьянѡн* (Федосеев – Пармалэн шыез: 45). ‘Справа на скамейке сидит дочь Проши, словно из печи

румяная горячая лепёшка, с головы до ног сияет молодостью, голубые глаза яркие и злые, как посмотрит, словно пронзает сердце шилом’.

Оригинальный характер в художественных произведениях имеют диалектные колоративные конструкции. Они используются не только для зрительно-слуховых ассоциаций, но и для придания большей экспрессии изображаемому действию: *Старик резыштис чужо́мас чуманокись ва да бадьогасис-мунис мош каро́, кыдз сия шуис пасекасо́* (Климов – Пармалэн шыез: 162). ‘Старик плеснул в лицо водой из берестяного черпачка и ковыляя пошёл в пчелиный город, как он называл пасеку’. *Удж выло́ мунтён да бо́р горто берттён кадсо́ весись эз ошты, ватишкис-рõмысьтис изын кодь аннэзнас...* (Фадеев 1992: 62). ‘Идя на работу и возвращаясь назад время зря не тратила, хрустела-шевелила челюстями, словно жерновами...’ *Сийо́ и видзчисян, кыдз черпезьда-кула, да мөдикö вайотан* (Федосеев 1994: 49). ‘Только и ждёшь, когда умру, чтоб другую привести’.

Итак, умелое использование диалектизмов в языке художественной литературы позволяет делать не только более содержательным, ярким, выразительным само произведение, но и неповторимым язык самого автора. Поэтому, если в языке художественной литературы локальная лексика используется разумно и талантливо, если она художественно оправдана, воспринимается читателями то, несомненно, она является важным источником пополнения словарного фонда литературного языка.

ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ефимов А. И. Стилистика художественного текста. М., 1957.
Климов В. В. Юсиньёй // Иньва, 1992. С. 30–31.
Пармалён шыез. Бõрийом коми-пермяцкõй проза. Кудымкар, 1997. 454 с.
Современный коми язык. Лексикология. М.: Наука, 1985. 206 с.
Фадеев Г. П. Лекьяй // Иньва, 1992. С. 61–83.
Федосеев С. А. Събд цветгэз. Кудымкар: Коми-пермяцкõй кн. изд-во, 1994. 326 с.